

Виктор Моисеевич Далин

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ ОТНОШЕНИИ БАБЕФА К ДАНТОНУ

Вопросы истории. 1959. № 4. С.156-160.

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010

В нынешнем году исполняется двести лет со дня рождения Дантона, однако споры о его роли в период Великой французской буржуазной революции до сих пор не прекращаются. А.Матьез нанес сокрушительный удар «легенде» о Дантоне, созданной либерально-буржуазной историографией. Но нельзя, как нам кажется, полностью отрицать какую бы то ни было положительную роль Дантона даже на ранних стадиях революции.

В.И.Ленин в своих знаменитых «Советах постороннего», написанных накануне Октября, напомнил данную Марксом оценку Дантона как «величайшего в истории мастера революционной тактики» и призывал использовать в подготовлявшемся большевистской партией вооруженном восстании «великие заветы Дантона и Маркса»¹.

В этой связи приобретает большой интерес вопрос о том, как относился к Дантону в годы революции Бабеф, виднейший представитель революционной демократии во Франции конца XVIII века.

В 1925 г. в журнале «Annales historiques de la Revolution francaise» А.Матьез опубликовал неоконченное письмо Бабефа к Дантону. Это был единственный документ, по которому мы до сих пор могли судить об отношении Бабефа к Дантону.

«Мужественный Дантон! Я обращаюсь к тебе, как самому ревностному стороннику свободы; выражения, присущие рабству, не созданы для такого истинного гражданина, как ты.

Будет ли тебе принадлежать слава стать новым Антонием, напоминающим Бруту о его великом долге? О, мой друг, это слишком верно: Риму угрожают цепи, а ты спишь!.. Разве ты перестал быть Дантоном! Я предпочитаю верить, что это заслуженно прославившееся имя останется таким и впредь. Во время больших событий проявляется и большое мужество! Момент требует сильной души, способной сопротивляться всем ударам. Мне кажется, что только твоя способна на это возвышенное усилие. Мой друг, мой брат, родина находится на краю пропасти. **Х о т я т   р а с п у с т и т ь   д и с т р и к т ы !** (On veut dissoudre les districts!) (Разрядка наша.— В.Д.) Кто не видит в этом роспуске полного уничтожения свободы? Кто будет охранять наши права? Как сказал недавно один превосходный публицист: «Кто предотвратит страшные последствия деспотизма, возникающего на развалинах старого? Наши должностные лица (municipaux) станут такими же надменными деспотами, которые будут править нами при помощи железных скипетров. Полиция является слишком самовластной администрацией, чтобы не вызывать подозрений. Отвечайте! В какой трибунал угнетаемые граждане обратятся со своими жалобами? Перед каким трибуналом будут они разоблачать злоупотребления властью и полномочиями, если дистрикты не будут бодрствовать?».

Недостаточно, мужественный защитник доброго дела, недостаточно!..»²

На этом обрывается письмо, подлинник которого хранится в Парижской муниципальной библиотеке. К какому периоду оно относится? Этот вопрос имеет немаловажное значение. А.Матьезу ответ на него казался «очень легким». На основании содержания письма, где затрагивался вопрос о ликвидации дистриктов, он предположил, что речь идет о жирондистском проекте конституции Кондорсе (февраль 1793 г.), в котором предусматривалось упразднение дистриктов. Матьез считал поэтому, что письмо должно быть датировано мартом – апрелем 1793 г., когда Дантон вернулся в Париж из Бельгии и началось обсуждение проекта Кондорсе.

Однако нам представляется, что в данном случае Матьез ошибся.

Прежде всего следует напомнить факты из биографии Бабефа. В середине февраля 1793 г. он приехал в Париж, спасаясь от судебного преследования. Первые дни целиком были заняты хлопотами, составлением петиций, хождениями к министру юстиции; едва ли тогда у Бабефа оставалось время для изучения проекта Кондорсе. Когда же Бабеф обратился весной 1793 г. к конституции, все его внимание было сосредоточено на критике якобинского проекта. И Бабефа интересовал прежде всего основной вопрос – о собственности, а не второстепенный тогда вопрос о дистриктах.

В то же время в жизни Дантона март 1793 г. – это самый острый момент, когда его политический авторитет в демократических кругах Парижа был более всего подорван из-за его близости к Дюмуре. Было бы странно, если бы в такое время Бабеф апеллировал в столь восторженных выражениях к Дантону.

Но независимо от изложенных выше соображений датировка А.Матьеза кажется сомнительной еще и потому (и это главное), что для Парижа весной 1793 г. вопрос о дистриктах потерял всякий интерес, так как они были ликвидированы в столице летом 1790 года. Тогда действительно это был острейший вопрос политической борьбы в Париже, вызвавший ожесточенное столкновение между наиболее демократическими дистриктами, в первую очередь Кордельеров, и буржуазно-аристократическим муниципалитетом Байи–Лафайета. В то время, в июле–октябре 1790 г., к этой борьбе парижских дистриктов Бабеф имел самое прямое, непосредственное отношение.

После возвращения в октябре 1789 г. на родину, в Руа, Бабеф в выступлениях против муниципальной олигархии использовал опыт парижских дистриктов. В проекте речи, датированном 2 января 1790 г., он подробно останавливался на демократических принципах организации парижских дистриктов, которые «удержали за собой право собираться, когда они этого захотят, принимать решение, когда им это угодно, и превращать его в муниципальный закон, если оно имеет за собой большинство дистриктов». Парижские дистрикты являлись, по мнению Бабефа, главной гарантией против опасности «аристократизации сената». Не будь дистриктов, «первый город королевства представлял бы собой... печальное зрелище стада рабов»³.

Когда вслед за столкновением между муниципалитетом и дистриктом Кордельеров, взявшим под свою защиту Марата в декабре 1789 – январе 1790 г., встал вопрос о ликвидации дистриктов, Бабеф решительным образом высказался за их сохранение. В письме к патриотам Перонна 27 марта 1790 г. он сообщил о петиции 60 парижских дистриктов (поданной в муниципалитет 23 марта), в которой отстаивалось их существование в старом виде (*en permanence active*). «Париж, – писал Бабеф, – подает провинции пример: каждый у нас будет стремиться подражать столице. Вот еще одна петиция, которую должны составить мы и наши пероннские братья; покажем пример, и пусть вся провинция следует за нами... Нужно, чтобы гражданин всюду имел бы определенное место, где бы он мог изложить свое мнение о том, что он считает необходимым для своей родины»⁴.

25 мая 1790 г. Бабеф был арестован в Руа по требованию акцизного суда и доставлен в парижскую тюрьму Консьержери. Он немедленно начал борьбу против генеральных откупщиков (*ferrniers geneaux*) и добился освобождения не только своего, но и всех арестованных в Париже участников сожжения застав 12–14 июля 1789 года. Не ограничиваясь этим, Бабеф стремился активно участвовать в политической жизни столицы.

Находясь в тюрьме, Бабеф, не довольствуясь использованием газеты Марата, пытался издавать собственный орган – «*Journal de la Confederation*». Разумеется, редактировать и издавать газету в тюремном заключении было делом затруднительным. Бабеф осторожно намекал на это в письме владелице типографии: «Трудность состоит в том, что редактор находится в таком положении, что он совершенно лишен возможности вести переговоры о печатании и продаже иначе, чем через посредников, которые уже грубо обманули его при выпуске № 1. Но в ближайшие 4–5 дней он сумеет с вами встретиться»⁵. Расчеты Бабефа не оправдались: он был освобожден только в августе. В тюрьме Бабеф успел подготовить четыре номера газеты. Только два из них увидели свет, но в его архиве сохранились рукописи всех номеров и их черновики. Они показывают, что, кроме борьбы против генеральных откупщиков, в центре внимания «*Journal de la Confederation*» в июле 1790 г. стоял вопрос о парижских дистриктах – как раз тот вопрос, которому посвящено письмо Бабефа, опубликованное Матъезом.

Уже в рукописи второго номера ему отведено много места. Сторонник неограниченного народного суверенитета, Бабеф видел в дистриктах основную форму подлинной демократии. Он в это время скептически относился к возникшей после революции представительной форме правления, которая, по его мнению, фактически лишала народные массы возможности непосредственно влиять на политику. Вот почему Бабеф особенно ценил парижские дистрикты, где граждане сохранили возможность «думать, говорить, действовать», еще не потеряли привычки и вкуса к политическим дискуссиям и имели возможность контролировать своих представителей. «Сравните, – указывал он, – успехи, которых уже добился деспотизм в провинциях, где народ уже представлен только муниципальными учреждениями, с той свободой, которая еще сохранилась в Париже, где существование дистриктов до сих пор сохраняло за каждым гражданином какое-то право самому принимать прямое участие в общественных делах»⁶.

После почти полуторагодового горького опыта борьбы с муниципальной олигархией в Руа Бабеф напряженно искал форму, которая обеспечила бы «прямое народоправство». Парижские дистрикты и казались ему искомой формой народной демократии. «Старайтесь возможно реже быть представленными и возможно чаще будьте своими собственными представителями» — таков вывод Бабефа в № 2 его газеты. Исходя из этого кардинально важно для него принципиального положения, он страстно боролся за сохранение дистриктов. Не удивительно поэтому, что рукопись № 3 «Journal de la Confederation» почти целиком посвящена данному вопросу. Это видно уже из заголовка: «Превосходные черты патриотизма в дистриктах Кордельеров и Назарет. Великая заинтересованность свободы в сохранении дистриктов. Страшная опасность, от которой только они ежедневно нас спасают»⁷. Бабеф горячо приветствовал решение дистрикта Кордельеров, его петицию 25 мая Парижскому муниципалитету о необходимости сохранения дистриктов по крайней мере до 25 июля, и подобные же постановления дистрикта Назарет. «Нужно, — заявлял он, — чтобы дистрикты не только сохранились до 25 июля, но чтобы они вообще никогда не соглашались с роспуском. Их повседневный надзор является палладиумом свободы, единственным подлинным оплотом конституции. Только их организация может обеспечить права народа, и, если их не будет, большинство граждан лишится подлинного суверенитета; представители добьются независимости и даже превосходства над своими доверителями... Приближается подходящее время для проявления патриотизма, вот уже 14 июля, время, когда осуществляются лучшие подвиги во имя свободы; вы не можете сделать ничего лучшего для ее обеспечения, чем завоевать непрерывность заседаний дистриктов, которым мы так обязаны, которые являются школой гражданственности, или, если угодно, ареной, на которой всегда с успехом борются против тирании»⁸.

Трудно не заметить полного совпадения между ходом мыслей Бабефа в «Journal de la Confederation» в июле 1790 г. и содержанием его письма к Дантону. Выделенная нами строка в письме Бабефа: «Хотят распустить дистрикты!» — повторяет первую строку третьего номера газеты — «Дистрикты будут распущены!!!... О, французы!»⁹. Нам представляется совершенно очевидным по самому содержанию письма, что только в июле 1790 г., когда внимание Бабефа было сосредоточено на борьбе за сохранение парижских дистриктов, и могло быть написано опубликованное А.Матьезом письмо.

Но есть еще одно подтверждение нашего предположения. На обороте черновика, по-видимому, произнесенной речи Бабефа «Франция под игом деспотизма», относящейся к первому, раннему периоду революции, написаны две фамилии — Дантон и Вернье¹⁰. набросок не датирован. Однако в данном случае установить время составления записи нетрудно. Вернье был членом финансового комитета Учредительного собрания. В июле 1790 г. он опубликовал «Новый план финансов и налогов». Этот вопрос живейшим образом интересовал Бабефа — автора «Постоянного кадастра». Нет ничего удивительного в том, что, ознакомившись с книгой Вернье, Бабеф (как видно из сохранившегося в архиве черновика письма) 27 июля 1790 г. обратился к нему с письмом¹¹. Интересно, что примерно в это же время (4 августа) на доклад Вернье от имени финансового комитета обратил внимание Бабефа и его поручитель при освобождении граф Лораге¹².

Имя Вернье никогда больше не привлекало к себе внимания Бабефа, оно не встречается в его бумагах. Можно с полной уверенностью утверждать, что обнаруженная нами запись фамилий Вернье и Дантона относится к июлю 1790 г., то есть к тому времени, когда писалось и письмо к Вернье и статья о дистриктах в «Journal de la Confederation». Все эти совпадения, конечно, не случайны. Они дают нам основание датировать и письмо Бабефа о сохранении дистриктов июлем 1790 года.

Вопрос об установлении правильной даты может показаться маловажным. Однако для биографии Бабефа он имеет серьезное значение.

Время написания письма прежде всего позволяет судить о том, насколько правильно разбирался Бабеф во всей сложной политической обстановке Франции. Видеть в Дантоне вождя радикальной парижской демократии в марте 1793 г. мог бы только провинциал, живший еще воспоминаниями 10 августа 1792 года. Но обращение к Дантону в июле 1790 г., признание его уже тогда наиболее ярким представителем парижской демократии свидетельствуют о большой политической проницательности Бабефа, его превосходной осведомленности, умении правильно оценивать обстановку, трезво взвешивать качества отдельных людей. В потоке парижской прессы 1789 г. Бабеф сразу же выделил Марата; точно так же из массы политических деятелей в 1790 г. он остановился на Дантоне.

У нас, к счастью, сохранился еще один отзыв Бабефа о Дантоне, на этот раз точно датированный и не оставляющий никакого сомнения в правильности нашего предположения. 14 декабря 1790 г., после освобождения Бабефа из Консьержери, директория департамента Соммы отменила решение об избрании его членом генерального совета дистрикта на том основании, что приказ об его задержании до сих пор не отменен. Протестуя против этого решения департамента, Бабеф указывал, что никакие приказы о задержании не могут быть препятствием к избранию гражданина на какой-либо пост, если он отвечает всем требованиям, поставленным конституцией. 26 декабря он писал: «В соответствии с этими принципами лучшие патриоты государства, против которых, как и против меня, развращенными аристократическими судами были изданы приказы о задержании, не могли быть из-за этого лишены своих прав гражданина. Г-н Дантон, председатель дистрикта Кордельеров, против которого издал приказ гнусный суд Шатле, остается, тем не менее, председателем дистрикта Кордельеров и украшением (ornement) наиболее патриотических и достойных уважения собраний столицы»¹³ (разрядка наша.— В.Д.).

Этот отзыв Бабефа чрезвычайно любопытен как показатель отношения к Дантону в 1790 г. наиболее передовых демократов тогдашней Франции. Но этот отзыв относится к председателю дистрикта Кордельеров, к союзнику Марата. К союзнику — пусть временному — Дюмурье Бабеф так обращаться не мог; не случайно после 1790 г. в бумагах Бабефа мы не находим ни одного упоминания о Дантоне. Вопрос о дате не кажется нам поэтому проявлением педантизма. Правильное его решение проливает свет на взаимоотношения между Дантоном и Бабефом.

1 В.И.Ленин. Соч. Т.26, стр.152, 153.

2 «Une lettre de Babeuf». «Annales historiques de la Revolution frangaise» 1925, p.488.

3 Архив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС, ф.323, 27 В I.

4 Там же, 37 В I.

5 Там же, 55 В IV.

6 Там же.

7 Там же, 53 В I; 55 В I.

8 Там же, 53 В I.

9 Там же.

10 Там же, 61 В IV.

11 Там же.

12 Там же, 43 В V.

13 Там же, 76 В I.

Материалы об авторе заметки и ссылки на его работы, размещенные в сети: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Материалы о Бабефе: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

Материалы о Дантоне: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>